

УДК 82.091

**И. С. ТУРГЕНЕВ В «ПЕТЕРБУРСКОМ СБОРНИКЕ»
(ПУБЛИКАЦИИ ПИСАТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСКАНИЙ ЭПОХИ)**

Николаев Н. И., Швецова Т. В.

**ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»,
Архангельск, Россия**
n.nikolaev@narfu.ru, t.shvetsova@narfu.ru

Статья направлена на осмысление концептуальных особенностей тургеневских художественных текстов, помещенных в известном некрасовском альманахе «Петербургский сборник». В центре внимания – отличия этого издательского проекта от предшествующего ему («Физиология Петербурга»). Второй сборник Н. А. Некрасова не являлся простым продолжением традиции, заложенной в первом его сборнике, а открывал совершенно иные, новые горизонты в русском литературном развитии. Его особенность состоит в фундаментальных изменениях художественной картины мира, сказавшихся на литературных и публицистических материалах. Через призму этого вопроса предлагается рассматривать и особенности тургеневских текстов, опубликованных в этом альманахе.

Ключевые слова: Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, «Петербургский сборник», «натуральная школа», художественная картина мира, кризис поступка героя.

ВВЕДЕНИЕ

До сих пор некрасовский альманах «Петербургский сборник» оставался на периферии научных интересов, несмотря на то, что уже довольно давно Н. Н. Скатов оценил его как «важнейшее дело Некрасова», как альманах, который по своей популярности можно соотнести только с «Мертвыми душами» и «Тарантасом», а его исполнителями стали писатели, которые в будущем определяют развитие русской литературы: Тургенев, Герцен, Достоевский [10].

Автор этих суждений не настаивает на простой преемственности «Физиологии Петербурга» и «Петербургского сборника», хотя именно такая позиция является общим местом исследовательской стратегии подавляющего числа современных ей и последующих научных работ, выполненных в близком тематическом ключе. Альманах Н. А. Некрасова несет в себе черты качественно нового этапа русской литературы. На это указывает не только обновление авторского коллектива, но и изменение его творческих установок. В первом сборнике (и в его публицистических материалах, и в литературно-художественных) ощущается стремление представить

какие-то новые аспекты, стороны изображения действительности и тем самым дополнить (расширить) доминирующую картину мира ранее неизвестными для отечественной литературы подробностями.

Во втором сборнике (практически во всех его материалах) очевидна установка на осмысление, изображение с новой неожиданной точки зрения уже знакомых предметов. Это просматривается в ключевых публицистических работах сборника, принадлежащих перу В. Г. Белинского и А. И. Герцена (Искандера). В литературно-художественных же публикациях эта установка заявляет о себе: в использовании знакомых сюжетов (например, А. Н. Майков «Машенька»), в которых существенно меняются смысловые акценты; в диалоге (дискуссии) с авторитетными литературными предшественниками (Ф. М. Достоевский «Бедные люди»); в перепевах лермонтовских мотивов у Н. А. Некрасова. Даже в совершенно, казалось бы, «нейтральном» переводе из Гете по-своему эта тенденция обнаруживает себя у И. С. Тургенева.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Из числа включенных впервые в состав альманаха есть произведения, которые на протяжении длительного времени их изучения требовали все новых и новых интерпретаций, рождали новые концептуальные подходы к пониманию их роли в истории русской литературы. Прежде всего, это касается «Бедных людей» Ф. М. Достоевского, которые открывали «Петербургский сборник». В этом отношении сочинениям И. С. Тургенева повезло меньше. В «Петербургском сборнике» им опубликованы произведения, которые не принесли славу художнику (повесть «Три портрета», поэма «Помещик», стихотворения-переводы «Тьма», «Римская элегия»). Сюжетная сторона его эпических произведений, представленных в этом ряду, удивительно проста, незамысловата, и на это обратил внимание еще С. П. Шевырев, подчеркивая это обстоятельство с нескрываемой иронией. Вот его характерное суждение о «Помещике» И. С. Тургенева: «... г. Тургенев отличается не столько талантом, сколько смелостью. После гоголевской галереи помещиков он

взялся за помещика в том же роде!..» И далее: «Содержание пусто; надобен талант Пушкина, чтобы наполнить жизнью искусства такую пустоту содержания!» [13].

Примечательно, что в оценке С. П. Шевырева ощущается стремление соотнести тургеневские тексты с какой-то устойчивой традицией в русской литературе (например, с произведениями Пушкина, Гоголя), для того чтобы отметить тут же, насколько Тургенев далек от предшественников. При этом совершенно очевидно негативное отношение критика к литературной работе Тургенева в рамках альманаха.

Между тем В. Г. Белинский работу Тургенева характеризует как «блестящую», но и в его оценке ощущается стремление сопоставить его произведения с предшествующими. Вот его суждение о «Помещике»: «Кто-то уверял печатно, будто «Помещик» – подражание «Евгению Онегину»; <...> Первое произведение такого рода в русской литературе принадлежит Дмитриеву, автору «Модной жены». Оно было написано в духе и вкусе своего времени (поэтому-то оно прекрасно и теперь)» [1, т. 8, с. 144]. Установка на поиск литературных параллелей очевидна и здесь: да, это не пушкинский «Евгений Онегин», но, например, «Модная жена» Дмитриева. Рецензент «Финского вестника» (Ап. Григорьев) назвал Тургенева «поэтом школы Лермонтова», имея в виду героя повести «Три портрета» [2].

А современный исследователь, следуя этой традиции, пишет о повести И. С. Тургенева: «Печоринский тип оказался трансформированным и перенесённым в условия провинциального помещичьего быта» [8, с. 39]. И этот вопрос о «трансформации» уже известного типа героя носит, похоже, принципиальный характер. По поводу героя «Трёх портретов» у того же исследователя (Роговер Е. С.) находим: «<...> Тургенев воспринимает пушкинские традиции, рисуя трансформированный образ «скупого», чахнувшего над своим сундуком с деньгами» [8, с. 38].

Все эти наблюдения, оценки современников И. С. Тургенева и исследователей-литературоведов наводят на мысль, что смысловая трансформация знакомых читателю образов и мотивов может быть понята как сознательная установка молодого Тургенева, одного из авторов творческого коллектива создателей «Петербургского сборника». Как мы отметили уже вначале, эта установка на

переосмысление знакомых тем и их трансформацию обнаруживает себя и у других участников альманаха (А. Н. Майкова, Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасова). Похоже, это сознательная установка всего авторского коллектива. По-своему она реализуется и в публицистических текстах сборника.

Основной вопрос, который занимает авторов «Петербургского сборника» и Тургенева в том числе, – масштабные исторические перемены, коснувшиеся морали человека Нового времени, в которой уживаются и принципы прежних (героических) эпох, и нравственное оскудение, определенное условиями нового века. Об этом пишет А. И. Герцен в своей публицистической статье, помещенной в «Петербургском сборнике»: «Безобразие подобного смешения принесло свой плод, именно мертвую мораль, – мораль, существующую только на словах, а в самом деле недостойную управлять поступками; современная мораль не имеет никакого влияния на наши действия...» [3, с. 210].

Как видим, некоторые исторические трансформации в сфере морали и у А. И. Герцена становятся объектом осмысления. На наш взгляд, изменение точки зрения на известный предмет привлекло внимание И. С. Тургенева и к «Римской элегии» Гете, перевод которой, выполненный им, помещен в «Петербургском сборнике».

Есть мнение, что «Римские элегии» Гете – это пародийный текст, поскольку написан не в Риме и не о Риме [9, с. 7]. И хотя с этим мнением сложно согласиться, мотивом к такой трактовке, по-видимому, послужила очевидная установка создателя элегий представить предмет своего изображения с необычного, неожиданного ракурса. Автор «Римских элегий» сумел абстрагироваться от современности и заставить себя (и читателя) увидеть мир таким, каким видел его человек эпохи античности. Гете, по точному определению В. Г. Белинского, «смотрел на жизнь глазами древнего грека» [1, т. 4, с. 346]. На этой особенности его элегий, судя по всему, настаивает и современный исследователь А. В. Михайлов: «Во времена Гете античность была далеким прошлым, но лишь чисто хронологически. По существу же, по смыслу античность была всегда рядом, не просто как ценное и дорогое, родное

наследие, но и как культурно-жизненная совокупность своих проблем, не разрешенных до конца, по-прежнему актуальных.

Эпоха Гете и Гегеля постигала античность во временном обращении, как бы в исторически обратном порядке. Показательны «Римские элегии» Гете: чувственно-идеальная жизненная полнота ощутима поэту под напластованиями истории, за XVIII в. выступает древний Рим, но и этого мало – сам древний Рим означает, собственно говоря, Грецию, т.е. античность как классическую идеальность» [4]. Иными словами, изменение ракурса изображения сказывается на изменении ценностного и смыслового содержания изображаемого. Реалии античного мира, увиденные глазами человека XVIII столетия, наполняются совершенно новым содержанием. И это ощущение движущегося, изменяющегося (трансформирующегося) во времени мира не только с точки зрения фактуры, но и с точки зрения смысловых и ценностных установок и является принципиальным художественным открытием Гете, воплощенным в его «Римских элегиях».

Представляется, что именно это обстоятельство привлекло И. С. Тургенева как переводчика и сделало актуальным размещение перевода в «Петербургском сборнике».

И. С. Тургенев не был первым переводчиком гетевских элегий в России. До него это сочинение было переведено А. Струговщиковым. У Тургенева не было цели осуществить перевод всех 24 элегий. Читателю текст Гете уже был известен. Поэтому Тургенев выбрал только одну – двенадцатую, и не указал, что это перевод из Гете, а просто назвал «Римская элегия» [7, с. 512].

Известно, что для И. С. Тургенева из европейских языков немецкий был наиболее близким – как язык его студенческой молодости. Это язык его любимых авторов; Гете среди них принадлежало особое место. В переписке с Полиной Виардо немецкий язык стал инструментом тайнописи, языком любви; на немецкий он переходит «и тогда, когда говорит о чем-то сокровенном, ведомом только им двоим» [12]. Выбор перевода XII элегии из Гете для размещения в «Петербургском сборнике», видимо, не случаен. И. С. Тургенев восторженно отзывался в письмах об элегиях Гете. В декабре 1839 г. в письме к Т. Н. Грановскому он писал, что не

перестает читать Гете, поскольку такое чтение укрепляет «в эти вялые дни» – в дни краткого пребывания в России: «Какие сокровища я беспрестанно открываю в нем! Вообразите – я до сих пор не читал «Римских элегий». Какая жизнь, какая страсть, какое здоровье дышит в них! Гете – в Риме, в объятиях римлянки! Особенно III-ая, V-ая, VII-ая, XII-ая и XV-ая. Эти элегии огнем пролились в мою кровь – как я жажду любви!» [11, т. 1, с. 459]. Вероятно, не только любовный лейтмотив привлек переводчика в указанных текстах, но острое ощущение новизны его восприятия, обеспеченное указанной сменой ракурса изображения, о которой В. Г. Белинский писал как о видении жизни «глазами древнего грека».

Заметим, что идейную направленность «Петербургского сборника» определили не только и не столько включенные в его состав художественные тексты, но, прежде всего, публицистические статьи. В рассматриваемом альманахе это, прежде всего, уже цитированные «Капризы и раздумья» Искандера (А. И. Герцена). Это своего рода философское эссе, посвященное проблеме меняющейся морали человека Нового времени.

Статья А. В. Никитенко «О характере народности в древнем и новейшем искусстве» [5] тоже, как нетрудно вывести из самого ее названия, пронизана пафосом исторических перемен, явивших себя в искусстве.

Ключевая статья сборника, принадлежащая перу В. Г. Белинского, выполнена в форме исторических размышлений – только уже о судьбах русской литературы. Он пытается описать динамическую модель ее развития, не всегда линейную и не всегда видимую с одного ракурса. Поэтому при описании использует совершенно новый для него прием: видение русского литературного процесса глазами стороннего наблюдателя, иностранца: «Теперь взглянем на эти периоды русской литературы в отношении к их значению не для нас, а для иностранцев» [1, т. 8, с. 42]. Смена ракурсов осмысления, постижение неожиданных векторов исторического развития – вот что составляет смысл его работы.

Меняющаяся исторически в своих нравственных и ценностно-смысловых установках жизнь – вот что составляет общий объект осмысления в сущности разных публицистических статей, помещенных в «Петербургском сборнике». И похоже, что

именно эта направленность определила своеобразие сборника в целом, поскольку еще в «Физиологии Петербурга», первом сборнике представителей натуральной школы, такой смысловой акцент в публицистических работах отсутствует.

Но и в наиболее ярких художественных текстах, опубликованных в рассматриваемом сборнике (произведения Ф. М. Достоевского, А. Н. Майкова, Н. А. Некрасова), ощущается установка на нравственно-этическое переосмысление уже знакомого русскому читателю материала. Меняющийся в своем глубинном содержании мир становится главным предметом внимания участников альманаха. В этот общий тренд, как представляется, вписывается и помещенный здесь тургеневский перевод «XII Римской элегии» Гете.

ВЫВОДЫ

Что же обусловило такое устойчивое проявление в различных текстах сборника единой установки на трансформацию знакомых тем, мотивов, образов?

Позволим себе обозначить следующее предположение.

Характер литературно-художественных материалов «Петербургского сборника», как нам представляется, являет собой реакцию на кардинальную смену в русском литературном дискурсе художественной картины мира, смену литературно-дискурсивной формации. Это совершенно иной по своей сути и механизмам процесс, нежели тот, в который укладывались ранее в нашем литературоведении все факты, связанные с деятельностью «натуральной школы»: рождение реалистического метода как факта эволюционной модели историко-литературного процесса.

Кардинальная смена глобальной картины мира, сопровождающаяся глубоким кризисом [14] (выразившимся в кризисе морали, поступка литературного героя [6]), на наш взгляд, актуализирует иную историко-литературную модель, принципы которой могут быть описаны, например, в их соотнесенности с известными философскими рефлексиями М. Фуко, с его идеей «эпистемологического перелома».

То, что мы попытались разглядеть в тургеневских текстах в «Петербургском сборнике», свидетельствует, на наш взгляд, о переживании автором кризисного этапа литературно-дискурсивных формаций. Активный поиск новой точки зрения в

художественном осмыслении знакомого писателю жизненного материала ощущается во всех публикациях И. С. Тургенева, представленных как оригинальными, так и переводным текстами. И в этом своем поиске он вполне вписывается в общий вектор исканий создателей второго сборника представителей «натуральной школы».

Список литературы

1. Белинский, В. Г. Собрание сочинений: В 9-ти т. [Текст] / В. Г. Белинский. – М. : Художественная литература, 1977-1978. – Т. 8. – 783 с.
2. Григорьев, А. А. Петербургский сборник [Текст] / А. А. Григорьев // Финский вестник. – 1846. – № 9.
3. Искандер. Капризы и раздумья [Текст] / Искандер // Петербургский сборник, изданный Н. А. Некрасовым. – СПб. : Типография Эдуарда Праца, 1846. – С. 205-223.
4. Михайлов, А. В. Раздел II. Эпоха «готового» слова и ее кризис. Античность как идеал и культурная реальность XVIII–XIX вв. [Электронный ресурс] / А. В. Михайлов // Античность как тип культуры / А. Ф. Лосев, Н. А. Чистякова, Т. Ю. Бородай и др. – М. : Наука, 1988. – С. 308–324. – Режим доступа: <http://litresp.ru/chitat/ru/M/mihajlov-aleksandr-viktorovich/yaziki-kuljturi/3>. – (Дата обращения: 03.10.2020).
5. Никитенко, А. В. Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым. Статья вторая [Текст] / А. В. Никитенко // Библиотека для чтения. – 1846. – Т. LXXV, отд. V. – С. 37–54.
6. Николаев, Н. И., Швецова, Т. В. Русский литературный герой 30–40-х годов XIX века и проблема поступка [Текст] / Н. И. Николаев, Т. В. Швецова // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 3–1. – С. 201–204.
7. Тургенев, И. С. Римская элегия (Гете. XII) [Текст] / И. С. Тургенев // Петербургский сборник, изданный Н.А. Некрасовым. – СПб. : Типография Эдуарда Праца, 1846. – С. 512.
8. Роговер, Е. С. Художественное своеобразие повести И. С. Тургенева «Три портрета» [Текст] / Е. С. Роговер // Спасский вестник. – 2014. – № 22. – С. 38–45.

9. Ромашко, С. Монумент – сувенир – улика : временная ось мегаполиса [Электронный ресурс] / С. Ромашко // Логос. – 2002. – № 3 (3–4). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/rom.html>. – (Дата обращения: 03.10.2020).
10. Скатов, Н. Н. Николай Алексеевич Некрасов. ЖЗЛ [Электронный ресурс] / Н. Н. Скатов. – М. : Молодая гвардия, 1994. – Режим доступа: http://www.belousenko.com/books/bio/nekrasov_skatov_zhzl.html. – (Дата обращения: 03.10.2020).
11. Тургенев. И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти т. Сочинения : в 12 т. Письма : в 18 т. [Текст] / И. С. Тургенев. – 2 изд-е, испр. и доп. – М. : Наука, 1978-1983. – Т. 1. – 574 с.
12. Чайковская, И. Иван Тургенев как читатель Гете [Электронный ресурс] / И. Чайковская // Семь искусств. – 2013. – № 2 (28). – Декабрь. – Режим доступа: <http://7iskusstv.com/2013/Nomer12/Chajlkovskaja1.php>. – (Дата обращения: 03.10.2020).
13. Шевырев, С. П. Петербургский сборник, изданный Н. А. Некрасовым [Электронный ресурс] / С. П. Шевырев // Литература и жизнь. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/shevyrev/shevyrev_pb_sborn.html. – (Дата обращения: 03.10.2020).
14. Nikolaev N. I., Shvetsova T. V. «Crisis of action» of the Russian literary character in literary discourse. *Man in India*, 2017, Vol. 97, Issue 10, pp. 449–462.

References

1. Belinskii V. G. *Sobranie Sochinenii. V 9 Tomakh*. [Collected Works in 9 Volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1977-1978, Vol. 8. 783 p.
2. Grigoryev A. A. *Petersburgskii Sbornik* [The Petersburg Collection]. *Finskii Vestnik*, 1846, no. 9.
3. Iskander. *Kaprizy i Razdumya* [Whims and Reflections]. *Peterburgskii Sbornik, Izdannyi N. A. Nekrasovym*. Saint Petersburg: Tipografiya Eduarda Pratsa Publ., 1846. Pp. 205–223.

4. Mikhailov A. V. *Razdel 2. Jepokha Gotovogo Slova i Eyo Krizis. Antichnost' kak Ideal i Kulturnaya Realnost' 18-19 Vv.* [Section 2. The Era of the *Ready* Word and its Crisis. Antiquity as an Ideal and Cultural Reality of the 18th – 19th Centuries]. *Antichnost' kak Tip Kultury*. Losev A. F., Chistyakova N. A., Borodai T. Yu., et al. Moscow: Nauka Publ., 1988. Pp. 308–324. Available at: <http://litresp.ru/chitat/ru/M/mihajlov-aleksandr-viktorovich/yaziki-kuljturi/3> (accessed 03 October 2020).
5. Nikitenko A. V. *Peterburgskii Sbornik, Izdannyi N. A. Nekrasovym. Statya Vtoraya* [The Petersburg Collection Published by N. Nekrasov. Article 2]. Biblioteka dlya Chteniya Publ., 1846, Vol. 75. Pp. 37–54.
6. Nikolaev N. I., Shvetsova T. V. *Russkii Literaturnyi Geroi 30 – 40-kh Godov 19 Veka i Problema Postupka* [Russian Literary Character of the 1830–1840s and the Problem of Action]. *Fundamental'nye Issledovaniya*, 2014, no. 3-1, pp. 201–204.
7. Turgenev I. S. *Rimskaya Elegiya (Gyote. XII)* [The Roman Elegies (Goethe. XII)]. *Peterburgskii Sbornik, Izdannyi N. A. Nekrasovym*. Saint Petersburg: Tipografiya Eduarda Pratsa Publ., 1846. 512 p.
8. Rogover Ye. S. *Khudozhestvennoye Svoeobraziye Povesti I. S. Turgeneva Tri Portreta* [Artistic Originality of the Story Three Portraits by Ivan Turgenev]. *Spassky Vestnik*, 2014, no. 22, pp. 38–45.
9. Romashko S. *Monument – Suvenir – Ulika: Vremennaya Os' Megapolisa* [Monument – Souvenir – Evidence. The Time Axis of the Metropolis]. Logos Publ., 2002, no. 3 (3-4). Available at: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/rom.html> (accessed 03 October 2020).
10. Skatov N. N. *Nikolay Alekseevich Nekrasov. ZhZL* [Nikolay Alekseevich Nekrasov. Life of the Great People]. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 1994. Available at: http://www.belousenko.com/books/bio/nekrasov_skatov_zhzl.htm (accessed 03 October 2020).
11. Turgenev I. S. *Polnoye Sobraniye Sochinenii i Pisem v 30 Tomakh* [Complete Works and Letters in 30 Volumes]. Moscow: Nauka Publ., Vol. 1. 574 p.

12. Chaikovskaya I. *Ivan Turgenev kak Chitatel' Gyote* [Ivan Turgenev as a Reader of Goethe]. *Sem' Iskusstv*, 2013, no. 2 (28), December. Available at: <http://7iskusstv.com/2013/Nomer12/Chajlkovskaja1.php> (accessed 03 October 2020).
13. Shevyrev S. P. *Peterburgskii Sbornik, Izdannyi N. A. Nekrasovym* [The Petersburg Collection Published by N. A. Nekrasov]. *Literatura i Zhizn'*. Available at: http://dugward.ru/library/shevyrev/shevyrev_pb_sborn.html (accessed 03 October 2020).
14. Nikolaev N. I., Shvetsova T. V. Crisis of action of the Russian literary character in literary discourse. *Man in India*, 2017, Vol. 97, Issue 10, pp. 449–462.

I. S. TURGENEV IN THE PETERSBURG COLLECTION (THE WRITER'S PUBLICATIONS IN THE CONTEXT OF THE LITERARY PURSUIT OF THAT ERA)

Nikolaev N. I., Shvetsova T. V.

The article is aimed at comprehending the conceptual features of Turgenev's literary texts published in Nekrasov's famous almanac The Petersburg Collection. The focus is on the differences between this publishing project and its predecessor (The Physiology of Saint Petersburg). Contrary to the ideas prevailing in literary criticism, the second collection by N. A. Nekrasov was not a simple continuation of the tradition established in his first collection, but opened completely different, new horizons in Russian literary development. Its peculiarity lies in the fundamental changes in the artistic picture of the world. These affected the literary and journalistic materials presented in the almanac. It is proposed to consider the features of Turgenev's works published in this collection through the prism of this issue.

Keywords: N. A. Nekrasov, I. S. Turgenev, The Petersburg Collection, Natural School, artistic picture of the world, the crisis of the hero's act.